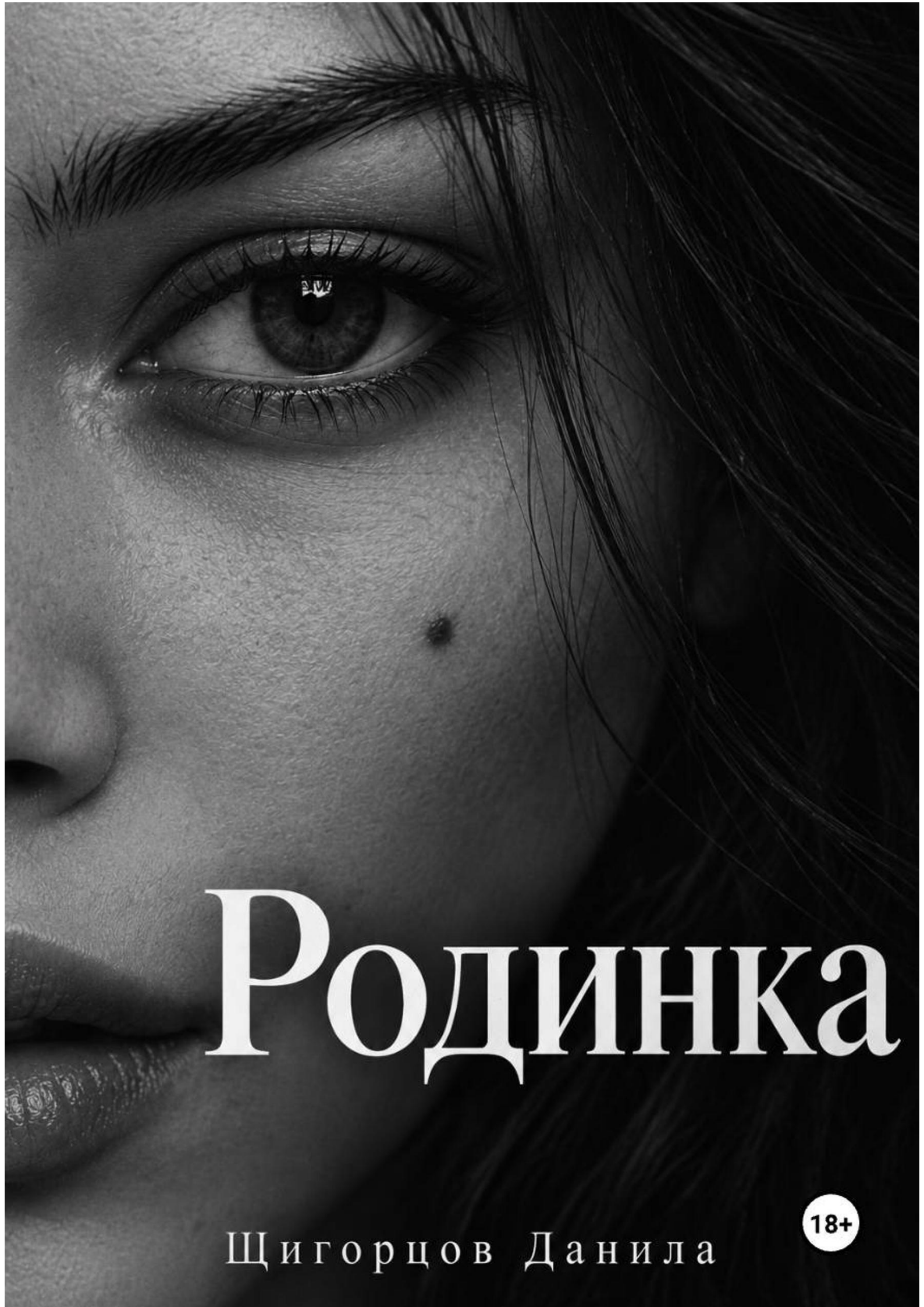

Родинка

Щигорцов Данила

18+

Щигорцов Данила

Родинка

«Автор»

2026

Данила Щ. В.

Родинка / Щ. В. Данила — «Автор», 2026

Марку двадцать четыре, но его жизнь давно остановилась. Серые будни, механические движения, пустые разговоры — и девушка по имени Мари, которая то приближает его, то отталкивает. Единственное, что выбивает его из оцепенения, — странные сны, в которых реальность смешивается с кошмаром, и вопросы психотерапевта, на которые у Марка нет ответов. С каждым сеансом он всё меньше понимает, что происходит на самом деле. Брат настаивает на лечении, Мари уклоняется от встреч, а собственные воспоминания рассыпаются в прах. Чтобы выбраться из тумана, Марку придётся заглянуть в прошлое, которое он так старательно забыл, — и решить, готов ли он узнать правду, какой бы она ни была.

© Данила Щ. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Щигорцов Данила

Родинка

Глава 1

Я снова получил удар в сердце. Эта девушка всё сильнее делает мне больно.

Почему это звучит так, будто я ноющий мальчишка, переживающий из-за какой-то глупости?

Мне 24 года.

Я Марк. Её зовут Мари. Невысокая девушка, чем-то похожая на Афину — богиню мудрости и войны, которую обычно изображают с суровым, но пронизательным взглядом, в шлеме и с копьём, — но в миниатюрном, почти хрупком воплощении.

Уже несколько лет я хожу за ней и ухаживаю. Как говорили мои друзья, стелюсь. Сегодня день не изменился.

Я проснулся, умылся. Вода из крана была ледяной, но это хоть немного отрезвило. Вытер лицо полотенцем и посмотрел в зеркало — под глазами залегли тени, взгляд пустой. Оделся механически: старые джинсы, серая футболка, кожаная куртка. Вышел на улицу — утро было серым, как и всё вокруг.

Дошёл до остановки, встал в очередь. Люди вокруг казались размытыми тенями, их голоса сливались в гул. Через несколько минут подъехал автобус.

8:32

Я сел на заднее сиденье, прислонился головой к холодной стойке между окнами и почти сразу провалился в сон — без сновидений, только тяжесть в веках.

9:05

Проснулся от толчка, когда автобус остановился. Вышел на своей остановке и пошёл через половину района к офису. Дорога привычная до отвращения: те же облезлые панельные дома, те же мокрые от утренней росы скамейки, те же безликие прохожие.

Зашёл в офис — узкое помещение с тусклым светом и запахом кофе, который давно перестал казаться бодрящим. Сел за свой стол, включил компьютер и просидел до 17:00, перебирая бумаги и отвечая на письма. Всё это — механические движения. После работы — обратный путь, такой же пустой.

В 19:00 я вышел на балкон. Вечерний ветер был колючим, но я почти не чувствовал холода. Набрал номер Мари. Сердце забилося чаще — каждый раз, когда я жду ответа, внутри поднимается волна надежды, которая тут же разбивается о её холод.

Она взяла трубку. Голос был ровным, безжизненным — как всегда.

— Привет, как дела?

— Привет, так, пойдёт... — отвечаю я, и на пять секунд повисает нелепое молчание, словно мы не люди, а животные, которые не знают языка друг друга. — Ты как?

— Нормально.

- Как день прошёл?
- Как обычно. У тебя как?
- Также... Что нового? Что расскажешь?
- Нечего. У тебя есть что?
- Также... Может, увидимся?
- Не могу.

Молчание. Нам нечего сказать друг другу.

— Ладно, мне надо идти. Пока. — говорит Мари и кладёт трубку. Словно этого диалога и не было.

Я остаюсь на балконе, глядя на огни города. В груди — пустота, которая становится привычной.

Глава 2

Мой брат сказал:

«Бросай её! И лучше иди к врачам. У тебя снова депрессия, брат!»

Он не мой брат по крови. По родословной он мне вообще никто. Просто посторонний человек. Но такие люди становятся родными, когда мы начинаем свои проблемы и проблемы своих семей объединять и решать вместе. Мы знакомы большую часть моей жизни — с самого детства, когда он жил в соседнем дворе. Тогда мы не крепко общались, но из-за учебы в одном классе, мы сильно сдружились. С тех пор он и стал братом — по духу, а не по крови.

Я послушал его совет. Не потому, что верил в депрессию, а потому, что устал спорить. На следующий день я отправился к врачу. Мари я так и не бросил — просто не смог, но решил хотя бы попытаться разобраться в себе.

Сидя перед кабинетом Дока, я чувствовал опустошение. Ты словно упал на дно, если пришёл ныть к врачу. Что ему говорить — я даже не знал. Вокруг пахло дешёвым антисептиком и старой бумагой. В коридоре сидели несколько человек с одинаково пустыми лицами — они тоже ждали, кто-то вертел в руках телефон, кто-то просто смотрел в пол. Я сжал в кармане ключи, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

Из двери вышел молодой парень, за ним — мужчина лет сорока пяти, в очках с тонкой оправой.

— Марк? — спросил он, взглянув на планшет.

— Да, я.

— Заходите.

Я поднялся и переступил порог. Кабинет напоминал декорации к американским фильмам или сериалу «Клан Сопрано» — да, именно так выглядел кабинет доктора Дженнифер Мелфи: два мягких кресла тёмно-зелёного цвета, между ними низкий стеклянный столик с салфеткой, на стенах — несколько абстрактных картин, создающих иллюзию уюта. Док прошёл к своему столу, взял небольшую планшетку и уселся в кресло напротив. Я сел на противоположное, чувствуя себя неловко — словно я пришёл не на приём, а на экзамен.

— Ваш брат сказал, что у вас тяжёлая форма депрессии.

— Он не совсем мой брат, но депрессии у меня нет. — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовал.

Док что-то записал в планшетку, кивнул, затем поднял глаза:

— Хорошо. Что вас мучает последнее время?

— Просто нет желания что-либо делать, даже идти сюда было тяжело.

— Может, есть какие-то факторы, влияющие на это?

— Я давно перестал замечать всё вокруг, поэтому это тяжёлый вопрос.

— Хорошо, расскажите мне какую-нибудь последнюю яркую картинку, пережитую вами.

Я замолчал. В голове всплыл тот утренний балкон, Мари, спящая на моих плечах... но я не был уверен, что это было на самом деле, а не просто плод моего воображения. Тем не менее, я начал говорить — и слова полились сами собой, будто давно ждали этого часа.

Глава 3

Мы на балконе вдвоём. Мари — моя девушка? — спит на моих руках, сидя у меня на коленях. Её голова лежит на моём плече, и она дышит мне в шею — с каждым выдохом словно прожигает кожу насквозь. Тёплый воздух касается моей ключицы, и я чувствую, как её ресницы чуть подрагивают во сне. А я сижу на стуле, точнее, в старом плетёном кресле, которое позволяет свободно откинуться назад, и, держа её, всматриваюсь вдаль.

За окном рассвет. Солнце медленно встаёт за панельными домами, разливаясь приятным оранжевым светом по серым крышам и мокрым от росы балконным перилам. Где-то внизу просыпаются машины, слышен далёкий лай собаки, но здесь, наверху, только тишина и наше дыхание. Этот момент запоминается больше всего на свете — не потому, что он яркий, а потому, что в нём я чувствую себя живым.

На Мари — простая майка, которая лишь подчёркивает каждую линию её тела, и короткие шорты, оголяющие небольшое бедро, переходящее в тонкие, изящные ноги. Она пахнет сладким вишнёвым соком — не приторно, а словно слегка щекоча ноздри, смешиваясь с утренней свежестью. Я вдыхаю этот запах и чувствую, как внутри разливается тепло, но тут же его сменяет тревога: почему она спит именно здесь, на мне, а не в кровати?

А где-то внутри квартиры, на той единственной кровати, спит мой брат, который всю ночь веселился с подружкой. Её стоны, казалось, были слышны на весь наш район. И мне казалось, что мы с Мари здесь лишние. По итогу она спит на мне, а брат с её подружкой — на кровати.

Мы в студии, где двум парням было тяжело жить, даже можно сказать — тесно. Я спал на балконе, на раскладушке, а брат — на кровати. Но сегодня утром всё перевернулось. Я смотрю на Мари, на её расслабленное лицо, и не могу понять: это сон или явь?

...

— Итак... Кто такая Мари? Ваша нынешняя девушка?

— Я не знаю, Док.

— Почему? Вы с ней не разговаривали на эту тему?

— Не знаю, вроде говорили, но я не помню?

— Вы это спрашиваете у меня?

— Нет. Просто мир словно оборвался в том моменте.

— У вас были зависимости?

— Тяжёлый вопрос...

Глава 4

Дни повторяются. Я пришёл после девяти вечера домой от Дока. Его вопросы поставили меня в тупик. Я совсем потерялся — словно провалился в чёрную яму, где нет ни дна, ни стен. Я не помню о своём прошлом почти ничего. В голове застряли обрывки воспоминаний, будто чужая жизнь, отснятая на старую плёнку. А свою — настоящую — я забыл.

Наутро я снова проснулся, умылся ледяной водой, даже не взглянув в зеркало. Оделся механически, вышел на остановку.

8:32 — подъехал автобус, я сел на заднее сиденье и провалился в тягучую дремоту.

9:05 — толчок, я просыпаюсь, выхожу на знакомой остановке. Иду через половину района, сворачиваю в серый офисный коридор, сажусь за стол и тупо перебираю бумаги до семнадцати часов. А потом — обратно. Всё те же лица, те же звуки клавиатуры, тот же приторный кофе. И так каждый день.

«Нужно сказать Доку о этой бесконечной петле», — думаю я, но внутри уже зарождается равнодушие. Жизнь совсем однообразная, как заезженная пластинка.

Сегодня вечером будут изменения — обещал придти брат. Я лежу в кровати, глядя в потолок, и пытаюсь собрать в голове хоть что-то внятное. Вдруг раздаётся звонок в дверь — резкий, настойчивый, вырывающий меня из оцепенения. Я нехотя поднимаюсь, шаркаю к прихожей, открываю. На пороге брат. Он выглядит бодро, в лёгкой куртке, с ключами от машины в руке. Мы здороваемся, я молча пропускаю его внутрь, но он не заходит.

— Слушай, братишка, поехали погуляем. — голос звучит бодро, но в нём слышна забота.

— Даже не знаю... — отвечаю я, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая волна апатии.

Он долго меня не уговаривает — просто смотрит выжидающе. Я возвращаюсь в комнату, накидываю чёрную пайту, чёрные джинсы. На пороге — мои чёрные найки. Одеваюсь в эти вещи, сверху накидываю чёрную кожаную куртку. Всё чёрное — словно траур по моей же жизни. После чего отправляюсь за ним к машине.

Мы сидим в его старом седане. Двигатель работает тихо, почти бесшумно — только лёгкая вибрация передаётся через сиденье. Из динамиков льётся негромкая музыка, но брат сразу прикручивает её. В салоне повисает напряжённая тишина, нарушаемая лишь шумом шин по асфальту.

— Ну как, сходил к доку? — спрашивает он, не поворачивая головы.

— Да.

— И как?

— Врач как врач. Даже не понимаю, зачем всё это. — я замолкаю, потом добавляю, чувствуя раздражение: — И кстати, зачем ты сказал, что у меня депрессия?

— Так у тебя она уже давно... — отвечает он спокойно, будто говорит о погоде.

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом проплывают знакомые до боли панельные дома, мокрые от вечернего дождя. Внутри — пустота, но где-то глубоко шевелится крошечное сомнение: а вдруг он прав?

Глава 5

Я снова у Дока. Сажу в том же тёмно-зелёном кресле, чувствуя, как пружины впиваются в спину. Док напротив — он не смотрит на меня, а лишь вглядывается в свою планшетку, водя пальцем по бумаге. Тишина затягивается, и я начинаю различать каждый звук: тиканье настенных часов, шум вентиляции, собственное дыхание. Наконец он резким движением бросает планшетку на стеклянный столик, и та с глухим стуком приземляется рядом с салфеткой.

— Вы верите, что сон может рассказать о вас больше, чем любая история? — спрашивает он, в упор глядя на меня.

— Не-а. — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично, хотя внутри шевелится тревога.

— Хорошо, расскажите свой последний сон, который помните.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. В голове — туман, но кадры начинают проступать, словно проявленная фотография.

— Я точно не помню происходящее. — бормочу я, но Док молча ждёт, и я продолжаю:

— Помню, выхожу с работы. Не моей. Вообще это было какое-то заведение, по-моему, я был поваром. Выхожу из здания — оно стояло на окраине города, вокруг пустырь и серое небо. И вдруг вижу ядерный взрыв.

Я делаю паузу, чувствуя, как в горле пересыхает. Док что-то помечает в блокноте, но я уже не могу остановиться:

— Взрыв был не рядом, а вдали. Город, в котором он произошёл, начал разрушаться, словно кукольный домик, — этажи складывались, стены трескались, и весь этот грохот я слышал даже на расстоянии. Помню, я укрылся за зданием, и меня знатно пошатнуло ударной волной — ноги подкосились, в ушах зазвенело. Потом приехал брат с друзьями на серебристом седане — не на его обычной машине, а на чужой. Они увезли меня в какие-то панельные районы, где дома стояли стеной, бесконечные и одинаковые. Возле гаражей мы начали залазить на ржавые трубы и железные балки, а потом прыгать — вниз, на асфальт, но падения не было, только полёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.